

Преподавание высших наук в российских университетах XVIII в.: не
«только на латинском и русском»:

Исследователи часто указывали на проблему малочисленности студентов, связанную с недостаточной подготовкой потенциальных слушателей в латинском языке, однако проблема функционирования языков, их ситуативного применения (*multilingual setting* в терминологии Дж. А. Фишмана) в преподавании и изучении высших наук в России до сих пор остается малоизученной. Одна из причин сложившегося положения кроется в специфике сохранности и доступности источников. В основу данного исследования было положено изучение печатных объявлений и рукописных материалов о лекционных курсах Академического университета, сохранившихся в СПбФ АРАН и аналогичных печатных объявлений Московского университета из ОРКиР НБ МГУ, РГАДА и НИОР БАН.

Университеты в России XVIII в., как и в Европе, столкнулись с проблемой «ослабления» латинского языка как языка преподавания высших наук. Специфика российской ситуации заключалась в том, что уже при основании Академии наук альтернативой латинскому языку в нерегламентированных частных лекциях профессоров оказался не основной («имперский», «титულный») язык страны, а немецкий, как родной язык большинства профессоров Петербургской академии наук и части студентов.

Законодательно употребление новых европейских языков в преподавании ограничивалось. Регламент Академии наук и художеств указывал, что «[...] студенты должны уже искусны быть в языке латинском, дабы лекции в науках, которых на ином ни на каком языке давать не позволяется, как только на латинском и русском, могли они совершенно

разуметь»¹. Проект об учреждении Московского университета (1755) утверждал: «Все публичные лекции должны предлагаемы быть либо на латинском, либо и на русском языке»². При этом в Академическом университете незаконными оказались все лекции на новых языках, и до конца 1760-х г. их продолжали читать на латыни, за исключением двух курсов на русском языке М.В. Ломоносова и студента В.Г. Кузнецова, а в Московском университете под запрет попали только «публичные» лекции, что трактовалось очень широко. В Московском университете в первые годы его существования слушатель, владеющий новыми европейскими языками, но не достаточно хорошо владеющий латынью, мог посещать лекции по довольно широкому кругу наук, ориентированных своим содержанием на дворянство.

Можно предположить, что увеличение числа используемых языков приводило к снижению качества и системности образования; и, действительно, проблема языка преподавания активно обсуждалась с 1758 г. в Конференции Московского университета. В сохранившихся объявлениях о лекциях за 1759, 1761, 1762 и 1764 гг. упоминания о преподавании наук на новых языках пропали. Однако усилившееся в первой половине 1760-х гг. положение латыни не отвечало интересам правительства, заинтересованного в умножении числа специалистов и сокращении времени их подготовки, и Екатериной II в 1767 г. был инициирован частичный переход при чтении лекций на русский язык.

Отход от латинского языка преподавания высших наук, по-видимому, имплицитно был встроен в реформу учебных заведений в России, проводимую И. И. Бецким. Одним из ее следствий стало превращение Академического университета в училище (1767-1770), в котором лекции, соответствующие по уровню университетским, читались на латинском и немецком языках.

¹ Регламент Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге, 1747 г. // Уставы Российской академии наук. 1724–2009. Москва, 2009. С. 67.

² ПСЗРИ. Т. 14. № 10346. С. 289.

Отход от употребления латинского языка в преподавании поставил также вопрос об изменении порядка производства в студенты Сенатом. Сложившаяся к тому времени система предполагала возможным наделить статусом студента и привилегиями по службе человека, освоившего латинский язык на уровне, достаточном для слушания профессорских лекций. В 1770 г. Московский университет обратился в Сенат с просьбой признать студентами двух учеников из дворян, которые для больших успехов в немецком и французском языках перестали учить латынь. В Академии наук из-за перерыва в преподавании высших наук в Петербурге, образовавшегося в 1767–1769 гг., аналогичная проблема возникла в 1773 г. Положительное решение этих дел Сенатом, вероятно, способствовало возрождению практики чтения лекций на них в Московском университете. С 1772 по 1774 г. профессор Ф.Б. де Ла Бодельер на французском языке читал общий курс всех наук, которые могли интересовать дворян. А лекции профессора И.И. Роста, читаемые им на латинском языке, с 1772 г. переводил на русский язык один из студентов. Наконец, в 1776–1777 гг. общественный резонанс вызвали публичные лекции на немецком, французском и русском языках, открывшиеся при Академии наук.

В последние пятнадцать лет XVIII столетия русский язык все чаще становился языком преподавания высших наук, охватывая все новые университетские дисциплины. При этом уже со второй половины 1770-х гг. в печатных объявлениях о лекциях в Московском университете язык преподавания перестал упоминаться. Это вовсе не означает, что все профессора перешли на русский язык преподавания, или что выбор языка был очевиден. Скорее, во многих случаях предполагался договор между аудиторией и лектором. И это положение перехода к русскому языку преподавания, но с уступками реальному положению дел, сохранялось и даже было зафиксировано в распространенном на все «внутренние» университеты (Московский, Казанский и Харьковский) в Университетском уставе 1804 г., в котором вовсе не оговаривался язык преподавания. Полный,

и то с некоторыми исключениями, переход на русский язык преподавания во «внутренних» университетах России произошел только после кадровой реформы университетов, произведенной С.С. Уваровым во второй половине 1830-х гг.

Выводы:

Источники показывают, что немецкий и французский языки в России оказывались реальной альтернативой русскому языку в преподавании высших наук, не поощряемой правительством.

Возможно, именно в восприятии университетов как учреждений, в которых нельзя допускать преподавание на новых европейских языках, кроется одна из причин переориентации Екатерины II на создание других типов учебных заведений. В период с 1755 по 1802 гг. не было открыто ни одного нового университета, зато был преобразован в училище Академический в Петербурге. Университетский вопрос оказался «заморожен» в России по разным причинам, но в их числе можно назвать и проблему затянувшегося перехода на русский язык как национальный язык империи в преподавании высших наук.

При рассмотрении биографий студентов, ставших ими до 1770 г. мы можем подразумевать знание ими латыни на уровне, достаточном для слушания лекций, чего нельзя сказать о последней трети XVIII в.